

К.А. Пахалюк

**«Неудобный помощник»: Российское общество
Красного Креста на восточнопрусском фронте
в годы Первой мировой войны
(август 1914 — февраль 1915 года)**

Охарактеризованы место краснокрестных учреждений на театре военных действий, их взаимодействие с военными властями, а также особенности внутреннего управления в контексте боевых действий в Восточной Пруссии. На фронте Российское общество Красного Креста представляло собой параллельную властную иерархию, обладавшую широкой автономией, что, в свою очередь, нарушало принцип единоначалия. Отсюда возникал перманентный конфликт с военным ведомством, который необходимо осмыслить, скорее, как внутриаппаратный, нежели в категориях противостояния власти и общества.

В годы Первой мировой войны Российское общество Красного Креста (РОКК) было одной из крупнейших организаций, оказывавших помощь раненым солдатам и офицерам на театре военных действий и в тылу. К сожалению, в отечественной историографии его деятельность не изучена в полной мере. Как правило, она рассматривается в рамках истории благотворительности [14; 21; 37] или военной медицины [20; 40]. При этом доминируют два подхода: институциональный (внимание сконцентрировано либо на обществе как на самостоятельной организации, либо на отдельных направлениях его деятельности) [23; 30; 31; 37; 45] и региональный (исследуется работа местных комитетов в различных губерниях) [16, с. 94—99; 22; 25; 28; 35; 39; 41; 46]. Значительно реже Красный Крест помещается в контекст именно военной истории, т. е. событий на театрах военных действий. Существует лишь

одна претендующая на системный характер диссертация, в которой внимание сфокусировано на активности краснокрестных организаций на фронте [42], не считая ряда статей или отдельных глав в диссертациях, в которых затрагиваются частные аспекты [17; 29; 36; 43; 44]. Безусловно, это направление требует дальнейшего исследования. В настоящей статье мы хотели бы сконцентрироваться на деятельности краснокрестных учреждений на Северо-Западном фронте в первый период войны: с августа 1914 по февраль 1915 года, когда русские войска вели боевые действия на территории Восточной Пруссии.

Особенности положения учреждений РОКК на театре военных действий

Прежде всего необходимо показать, какое место на фронте занимали краснокрестные учреждения. Вопрос этот не сводим лишь к прояснению уставов и указанию на круг задач, а требует обращения к более широкому социальному контексту.

Анализ стоит начать с символического пространства, ключевую роль в формировании которого играли средства массовой информации. Уже в августе 1914 года популярность завоевало понятие «народная война»: подразумевалось, что все слои общества объединились для того, чтобы отразить германскую агрессию и обеспечить «вечный мир». Для гражданского населения ключевой задачей считалось содействие действующей армии. Соответственно, Российское общество Красного Креста позиционировалось как общественная организация, позволяющая консолидировать патриотические устремления российского общества для решения санитарных проблем. На символическом уровне краснокрестные учреждения считались именно представителями «общества», другими словами — субъектом, отличным как от «власти», так и от «сражающегося народа». Участие в деятельности РОКК (которое могло варьироваться по формам) позволяло каждому внести личный

вклад в помощь войскам и чувствовать причастность к будущей победе. Пресса уделяла особое внимание благотворительным инициативам, тем самым способствуя их усилению и формируя пример «должного поведения». Это создавало, в свою очередь, серьезные стимулы для многих представителей общественности включаться в деятельность РОКК, поскольку они справедливо могли рассчитывать на репутационные выгоды. Далеко не все могли или были готовы уйти на фронт, в то время как система Красного Креста предоставляла менее опасный, но вместе с тем легитимный способ участия в «народной войне». Для послевоенной общественной или политической карьеры последнее обстоятельство имело бы решающее значение.

«Положение о полевом управлении войск в военное время», регулировавшее взаимоотношения на театре военных действий, также отводило РОКК роль «помощника», предписывая содействовать военно-медицинским учреждениям в решении санитарных проблем. На каждом фронте назначался главноуполномоченный, ответственный за все краснокрестные организации в данном районе. Он, с одной стороны, был непосредственно подчинен главному начальнику снабжений армий фронта (в рассматриваемый период на Северо-Западном фронте им являлся генерал Н. А. Данилов), а с другой — обязывался согласовывать действия с начальником санитарной части фронта (эту должность в августе занял генерал А. А. Рейнбот). В армии назначались особоуполномоченные, в корпуса и передовые отряды — уполномоченные. Все они находились под контролем военно-санитарного начальства тех соединений, к которым были прикомандированы [32, с. 46]. Тем самым складывалась двойная система подчинения, которая заставляла представителей Красного Креста лавировать между различными начальниками.

Если в глазах прессы и военных РОКК было общественной организацией, то с социологической точки зрения это утверждение вряд ли правомерно. Скорее, речь идет о квазиобщественной структуре, чья связь с властью была весьма глубокой. Общество Красного Креста находилось под покровитель-

ством императрицы Марии Федоровны, имело различные льготы, могло пользоваться складами военно-врачебных учреждений, а более половины расходов покрывалось государственным казначейством (что характерно и для таких крупных общественных организаций, как Всероссийские земский и городской союзы) [38, с. 97; 42, с. 91—92].

Более того, на театре военных действий в Красном Кресте основные руководящие должности (главноуполномоченных, особоуполномоченных, уполномоченных и их помощников) занимали представители высших слоев общества: многие происходили из известных дворянских родов, обладали придворными чинами, входили в состав бюрократической, военной и политической элиты того времени. Этому способствовала и кадровая политика Главного управления: 21 июля¹ 1914 года оно решило, что, например, особоуполномоченными могут назначаться лица «с более или менее высоким служебным и общественным положением, преимущественно из числа принимавших участие в деятельности Общества в русско-японскую войну» [3, л. 106]. Так, главноуполномоченным РОКК в Северо-Западном районе² стал свиты его величества генерал-майор Д. Я. Дашков. Второго октября его сменил генерал Е. Н. Волков, ранее занимавший аналогичную должность в Северном районе³. На Юго-Западный фронт был назначен сенатор Б. Е. Ивановичий. Особоуполномоченным 1-й армии стал генерал от инфантерии в отставке Д. С. Бутурлин, 2-й армии — известный политик А. И. Гучков, а сформированной позднее 10-й армии — политический и общественный деятель, депутат Государственной думы 3-го созыва князь И. А. Куракин.

Первоначальный штат управления главноуполномоченного Северо-Западного района, утвержденный 1 августа 1914 года, не менее интересен с точки зрения статуса вошедших в него

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

² То есть при Северо-Западном фронте.

³ Северный район относился к 6-й армии, дислоцировавшейся в Петрограде.

лиц. Помощниками Д. Я. Дашкова стали член ГУ РОКК в звании камергера Высочайшего двора, статский советник граф Э.П. Беннигсен, статс-секретарь Государственного совета, гофмейстер А.Г. Тимрот, а также неперменный член Совета по делам местного хозяйства, статский советский М.К. Якимов. Заведующим медицинской частью был назначен известный профессор В.Г. Цеге-фон-Мантейфель, начальником резерва сестер милосердия и санитаров и комендантом управления — генерал-майор П.А. Шевелев, особоуполномоченным по хозяйственной части — действительный статский советский В.В. Ковалевский, заведующим складом — действительный статский советник П.В. Философов, заведующим учетом материалов — свиты его величества генерал-майор С.П. Мезенцев, а начальником канцелярии — чиновник особых поручений V класса Министерства финансов, коллежский советник Ф.Г. Молво. Кроме того, согласно утвержденному штату среди 25 уполномоченных числились 3 действительных статских советника (В.М. Пуришкевич, И.А. Куракин и К.Г. Конаржевский) и 5 статских советников (М.М. Хилков, К.А. Гроссман, Э.А. Гоппе, А.А. Остен-Сакен и В.А. Бутурлин). Еще пятеро имели придворное звание камер-юнкера [3, л. 174].

Это превращало Красный Крест в элитарную организацию, через разветвленную систему которой представители элиты получали возможность оказаться на фронте, избегая прямого включения в армейскую систему. На театре военных действий они образовали параллельную властную иерархию, обладавшую широкой автономией, что в свою очередь нарушало принцип единоначалия. В символическом пространстве эта автономия была закреплена наличием у Красного Креста статуса самостоятельного субъекта, в экономическом плане подерживалась независимым от военного ведомства и частично от государства финансированием, юридически усиливалась за счет системы двойного подчинения, а социально обеспечивалась высоким личным статусом руководящих лиц.

Подобное положение кардинальным образом влияло как на взаимоотношения с военными властями, так и на выработку

конкретных повседневных практик. Прежде всего, речь идет об институционально заложенном конфликте между военно-врачебными и краснокрестными учреждениями. В его основе лежали как двойная система подчинения последних, так и упомянутая элитарность: многие служащие Красного Креста обладали более высоким социальным статусом, нежели их непосредственные военно-санитарные (и даже военные!) начальники. Конфликтный потенциал проистекал уже из того факта, что Красный Крест оказывал содействие военно-врачебным заведениям, восполняя «пробелы» в их работе и не неся непосредственной ответственности за санитарное благополучие войск в целом. Столкнувшись со всеми недостатками, присущими военно-бюрократическому стилю управления, «представители общественности» (в первую очередь особоуполномоченные и уполномоченные) нередко становились его самыми злостными критиками. Более того, краснокрестные организации ввиду автономии и более широкого финансирования (в пересчете на один подвижной отряд, лазарет и пр.) могли максимизировать эффективность отдельных учреждений. Потому сотрудники РОКК считали, что они лучше справляются со своими задачами, нежели военные, и могли бы более эффективно решить санитарные проблемы армии в целом.

Военно-бюрократический стиль управления, безусловно, имел свои недостатки, однако в условиях военного времени при интенсивных боевых действиях он был единственно возможным для организации системной работы. Для сравнения масштабов деятельности обоих учреждений можно привести следующие цифры. На 12 августа 1914 года на Северо-Западном фронте находилось 4 военных госпиталя, 5 местных лазаретов, 39 временных крепостных лазаретов, 47 подвижных госпиталей, 39 запасных госпиталей, 7 санитарных транспортов, 10 постоянных полевых и 73 временных поезда [1, л. 73—78]. На этом фоне инфраструктура Красного Креста выглядела несколько скромнее. К 11 августа в район армий Северо-Западного фронта прибыло 6 госпиталей, 1 этапный и 2 подвижных

лазарета, а также 3 передовых отряда [2, л. 20]. Всего при 1-й армии в августе 1914 года действовало 4 подвижных лазарета, 2 этапных лазарета, 2 передовых отряда и 1 госпиталь [7].

Представители военно-медицинского ведомства не оставались в долгу, обвиняя Красный Крест в саморекламе, нарушении дисциплины и внесении излишней сумятицы в организацию санитарной помощи [27, с. 71—72]. В. П. Кравков, осенью 1914 года занимавший должность помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии, писал: «Не лучше ли было бы для боевого дела, чтобы Красный Крест работал, по крайней мере, хоть лишь в тылу, а не [в] войсковом районе, где он является помехой и обузой, отвлекая на себя слишком много внимания строевого начальства, которое прямо-таки боится не устроить поудобнее его лучшие отряды и лазареты (изволь-ка не угодить тому же Пуришкевичу, стоящему во главе целой группы лечебных заведений, который чуть что — и жалобу в Петербург!..); бывает так, что скорее пропустят поезд с ранеными Красного Креста, а задержат солдат, которые должны скорее бы следовать на пополнение» [27, с. 71].

В качестве другого примера можно привести перепалку между генералом Н. А. Даниловым и Д. Я. Дашковым, которая нашла отражение в журнале Главного управления от 4 сентября 1914 года. Представитель фронтового командования указывал главноуполномоченному, что, по имеющимся сведениям, не все представители РОКК выполняют указания начальников эвакуационных пунктов, тем самым нарушая дисциплину. Д. Я. Дашков парировал: подобные случаи ему не известны, в то время как краснокрестные учреждения по его приказанию активно содействуют эвакуации: «В частности, в Вильне, только после моих личных настояний, приступили на разрешенный Вами кредит к улучшению помещений пункта, и начальник его только вчера получил запасы для снабжения раненых всем необходимым» [3, л. 368 об.].

Сталкиваясь с системными провалами в работе санитарной части, некоторые служащие Красного Креста напрямую шли на обострение конфликта. Ярким примером могут послужить

депутаты Государственной думы В. М. Пуришкевич и С. И. Коваленко. В сентябре 1914 года они были уполномоченными в Северо-Западном районе и занимались организацией эвакуации раненых в районе Августовских лесов (Лык — Сувалки). Двадцать первого сентября депутаты прибыли на ст. Новокаменная, где, по их словам, скопилось около 2 тыс. раненых русских солдат. Ввиду отсутствия станционного здания многие из них лежали на каменном полу, а иные мерзли под открытым небом. Депутаты телеграфировали полковнику В. И. Кондратьеву (начальнику участка передвижения войск) с просьбой прислать поезд, однако ответа не последовало. Тогда они, подписавшись членами Государственной думы, телеграфировали еще раз, потребовав прислать подвижной состав и грозя жалобой на имя верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского, отличавшегося вспыльчивым характером.

Разразился скандал, дело дошло до Д. Я. Дашкова и председателя Главного управления РОКК А. А. Ильина: оба стали на сторону военных властей, не желая усугублять конфликт. На требование объяснить свое поведение В. М. Пуришкевич 27 сентября сообщил: «Отвечаю перед совестью, служа нелицемерно моему государю, работая по 18 часов в сутки и не ища для себя ровно ничего, я только так всю жизнь понимал и понимаю свой долг окруженный благословением тысяч раненых солдат и офицеров, работая на средства креста и на те, что лично дал мне государь, ломать себя не стану»⁴ [11, л. 66—67]. С. И. Коваленко тоже апеллировал к патриотическим чувствам: «Раздражение полковника Кондратьева не исполнившего своего долга перед царем и родиной [в] такую тяжелую для России минуту меня как члена государственной думы ничуть не тревожит» [11, л. 69—70]. Столь явное нарушение субординации не могло позволить Главному управлению или главно-

⁴ Здесь и далее в архивных цитатах сохранены орфография и пунктуация оригинала.

уполномоченному выступить на стороне подчиненных. Д. Я. Дашков стал требовать, чтобы «нарушителей порядка» убрали с фронта. В. М. Пуришкевич отправился в Варшаву, а через некоторое время попросил передать ему передовой перевязочно-питательный поезд с прямым подчинением главноуполномоченному Северо-Западного района (им на тот момент стал генерал Е. Н. Волков). Это прошение было утверждено на заседании Главного управления РОКК 17 октября 1914 года [5, л. 222].

Одним из прямых следствий «элитарности» стала высокая роль личных и родственных связей при назначении на должности или распределении по участкам фронта. Так, Д. Я. Дашков был сослуживцем по кавалергардскому полку главнокомандующего фронтом генерала Я. Г. Жилинского. Д. С. Бутурлин являлся давним знакомым командующего 1-й армией генерала П. К. Ренненкампа, а А. И. Гучков имел тесные связи с командующим 2-й армией генералом А. В. Самсоновым. Впрочем, подобные отношения имели позитивное влияние на налаживание взаимодействия как внутри системы РОКК, так и с военными властями, однако «побочным» следствием стал протекционизм. Например, 25 июля Д. Я. Дашков телеграфировал А. А. Ильину о том, что Е. Ф. Джунковская зачислила мать полковника А. А. Грече в список сестер Евгеньевской общины, а потому желательно отправить последнюю в ту армию, где находится лейб-гвардии Гусарский полк (в котором служил ее сын) [11, л. 38]. Кн. Елена (сербская принцесса) за собственный счет оборудовала подвижной лазарет им. Мраморного дворца, который был направлен в Инстербург, где располагался штаб 1-й армии: при нем служил ее муж кн. Иоанн Константинович. В этом лазарете в качестве сверхштатной сестры милосердия работала и вел. кн. Мария Павловна, чей брат вел. кн. Дмитрий Павлович также находился при штабе 1-й армии [34, с. 167—188]. На Северо-Западном фронте действовал и летучий отряд Евангелической общины имени жены командующего 1-й армией В. Н. фон Ренненкампа.

Привлекательность Красного Креста как организации, которая позволяла внести личный вклад в будущую победу, в конечном счете имела противоречивые последствия. Среди позитивных необходимо указать на вовлечение значительного числа достойных и энергичных деятелей, которые честно служили отечеству в самых опасных и тяжелых условиях (пример самоотверженной работы см. в: [18, с. 26—66]). Так, при хаотичном отступлении 1-й армии в конце августа два уполномоченных В. В. Маркозов и К. К. Гринвальд попали в плен, спасая раненых [7, л. 9—11]. Среди других можно выделить известную певицу Н. В. Плевацкую, которая также облачилась в форму сестры милосердия. Деятельность В. М. Пуришкевича во главе перевязочно-санитарного поезда заслужила множество самых положительных оценок, что позволило ему поколебать имидж скандального политика [24, с. 193—217].

В идейном плане интегрирующим звеном было представление, что долгом каждого является облегчение страдания раненых. Подобный гуманистический идеал на практике находил отражение и в том, что, например, наряду с русскими врачи лечили и пленных немцев. Так, В. Н. фон Ренненкампф вспоминала: «С дочерью или со своими дамами-помощницами я часто посещала этот госпиталь (в Антоколе. — *К. П.*), так как его обслуживали сестры моей Общины Красного Креста. Я не делала никакого различия между страдающими: своими — русскими или врагами — немцами. Раненый пленный уже не враг, а просто несчастный страдалец» [33, с. 100].

Интерес вызывает фигура помощника особоуполномоченного 1-й армии Владимира Васильевича Маркозова. Сын генерала В. И. Маркозова, он служил в лейб-гвардии Уланском полку, в чине ротмистра вышел в отставку, затем окунулся в столичную деловую и политическую жизнь: был владельцем известного доходного дома, избрался гласным в Санкт-Петербургскую городскую думу. В. В. Маркозов сыграл исключительную роль в координации деятельности краснокрестных ор-

ганизаций при 1-й армии. Во время ее отступления он попал в плен, откуда спустя несколько недель написал письмо в Инстербург юридическому советнику Форхе, с которым, видимо, познакомился во время пребывания в этом городе штаба 1-й армии. В.В. Маркозов просил оказать содействие в освобождении. Германец отказался писать высшему военному начальству: «Ваши заявления, могут быть, направлены не по тому пути, как Вы предполагали, и полагаю, что в Ваших интересах будет лучше, если я напишу Вам, а Вы мое письмо передадите дальше» [12, л. 81 об].

Форхе подробно описал деятельность русских врачей и самого В.В. Маркозова в Инстербурге. В частности, последний старался содействовать облегчению положения мирных немецких граждан, заступаясь за них перед П.К. фон Ренненкампом. Уважительное отношение проявилось и в том, что Владимир Васильевич распорядился вернуть на здание гарнизонного лазарета флаг германского Красного Креста, который был сорван незадолго до прихода русских войск. Более того, житель Инстербурга писал: «Супруга местного казначея Ковалевская, работавшая здесь в качестве сестры милосердия в местном гарнизонном лазарете... рассказывала мне о Вас очень много хорошего, что она вполне готова подтвердить. По ее словам, Вы неоднократно высказывались и действовали в том смысле, что Красный Крест у русских также как и у германцев, должен быть рассматриваем как международное учреждение и что он обязан подавать помощь без различия как другу, так и недругу, даже более того — чтобы раненым неприятельского войска по сравнению с таковыми собственного войска скорее отдавалось предпочтение, чем оставление их на втором плане» [12, л. 82]. Впрочем последнее можно считать некоторым преувеличением, исходя из прагматики самого письма. Интересно и другое свидетельство: «Когда при отступлении русского санитарного корпуса все медикаменты и перевязочные материалы были уложены для того, чтобы взять их с собою, Вы вследствие замечания г-жи Ковалевской, что вещи эти снова понадобятся германцам, так как замена их но-

выми в городе невозможна, приказали и настояли, чтобы приблизительно половина медикаментов и перевязочных материалов была распакована и оставлена на месте» [12, л. 82]⁵.

Однако в систему РОКК проникали и те, кто был озабочен в большей степени личными выгодами, что в свою очередь наносило ущерб репутации Общества и приводило к внутренним конфликтам. Например, 3 сентября 1914 года на заседании Главного управления Общества В. М. Пуришкевич обратил внимание на то, что некоторые молодые люди ведут образ жизни, который «не соответствует принятому ими на себя высокому служению делу оказания помощи больным и раненым воинам, привлекает общее внимание и не содействует укреплению в населении того особого уважения, которым должен пользоваться Красный Крест, под флагом которого эти молодые люди числятся на службе» [11, л. 45]⁶.

В недостойном поведении обвиняли и сестер милосердия, в особенности тех, которые предпочитали находиться вдали от фронта. В циркуляре от 21 февраля 1915 года главноуполномоченный Е. Н. Волков отмечал: «Знак Красного Креста, являясь эмблемою служения светлому делу попечения и ухода за ранеными и больными воинами, предъявляет непреклонное требование поддерживать на должной высоте уважение к святости этого знака и что посему появление сестер милосердия

⁵ Отметим, что германцы отпустили В. В. Маркозова в 1915 году, попросив похлопотать за пленного представителя германского Красного Креста Мейера-Грефе. По просьбе Владимира Васильевича немцы отпустили еще трех уполномоченных РОКК, а уже по их ходатайству — еще одного. Сам Маркозов на заседании Главного управления РОКК 29 ноября 1915 года заявил о том, что противник действительно применяет меры по улучшению содержания военнопленных (хотя положение их все же остается «суровым») и что в наших интересах начать обмен пленными.

⁶ Затем Главное управление сообщило об этом главноуполномоченному М. Я. Дашкову, что вероятно, стало одной из причин его столь жесткой позиции в конфликте между Пуришкевичем и военными властями.

со знаками Красного Креста в различного рода общественных и увеселительных заведениях, как то: театрах, ресторанах, кафе-ресторанах и т. п. признается мною крайне нежелательным, а в некоторых случаях и вовсе недопустимым». К сожалению, в апреле 1915 года Е. Н. Волкову пришлось повторить эти слова, признав тем самым, что первый циркуляр не возымел действия [10, л. 136].

Складывалась пагубная ситуация, когда проблема осознавалась, однако попытки решить ее сложившими методами не приводили к желаемому результату. Более того, героизм на фронте нередко оставался незамеченным, в то время как «тыловые беспорядки» бросались в глаза, а слухи о них, обраставшие скабрёзными домыслами, расползались по стране. Неудивительно, что уже к 1916 году в сформировавшейся «окопной культуре» сестра милосердия, по мнению ряда исследователей, стала символом разврата, ее нередко обвиняли в «проституции» и «любовных похождениях» с офицерами (это отношение нашло отражение даже на лингвистическом уровне: сифилис порою назывался «сестеритом», а штабные машины — «сестровозами») [13, с. 631—635; 26, с. 100—126].

Среди других показателей пример действительного статского советника К. Г. Конаржевского (делопроизводитель 5-го класса в Капитуле российских императорских и царских орденов), который сам попросился в 1-ю армию [9, л. 11]. П. К. фон Ренненкампф согласился, заявив: «Конаржевского отлично знаю, буду очень рад его назначению» [3, л. 117]. Руководство Капитулы разрешило откомандировать его только в том случае, если будет гарантия, что он как бывший офицер избежит призыва на действительную военную службу. В начале октября по протекции командующего армией [8, л. 177] К. Г. Конаржевский стал уполномоченным при летучем санитарном отряде жены Ренненкампфа, возбудив вскоре ходатайство (вместе с помощником Люце) о выдаче ему суточных. Главное управление выступило против, справедливо полагая, что служба должна быть бескорыстной: «К сему надлежит отметить, что число

лиц, предлагающих посвятить свой труд Красному Кресту совершенно при том безвозмездно значительно и что действительный статский советник Конаржевский был призван военным ведомством в ополчение, от явки куда его освободило принятие им на себя исполнения обязанностей по Красному Кресту, причем названному лицу Военным ведомством было выдано 100 рублей подъемными и 206 руб. 80 к. единовременного пособия» [11, л. 89]. Восьмого декабря 1914 года., спустя несколько недель после отставки генерала П. К. фон Ренненкампа, К. Г. Конаржевский был отстранен от должности [11, л. 160].

Более того, подъем национализма и становление образа врага привели к тому, что реализация вышеописанных общегуманистических идеалов стала далеко не всегда возможной. Военный врач Л. Войтоловский (Юго-Западный фронт) в воспоминаниях воспроизводит слова краснокрестного хирурга Борисова: «Чего мы достигаем на практике под защитой Красного Креста? Какие-то фиктивные выгоды, какая-то международная гарантия на словах и младенческая беспомощность на деле. <...> Мы, врачи, не знаем ни эллинов, ни иудеев, ни врагов, ни друзей. <...> А раз так, раз на нашей врачебной совети лежит борьба с человеческим одичанием, если Красный Крест является единственным островком европейской культуры и гуманности среди всеобщего вандализма, то скажите на милость, для чего это дурацкое разделение на докторов лагерей?» [19, с. 288—290].

Деятельность краснокрестных организаций на восточнопрусском фронте

*Первый период: маневренные сражения
(Восточно-Прусская операция)*

Развертывание краснокрестных учреждений в Северо-Западном районе было связано с множеством организационных проблем. С одной стороны, как свидетельствовал Э. П. Бенниг-

сен, «вопросы об организации отдельных учреждений и об их снабжении необходимым персоналом и имуществом были разработаны в Мобилизационном Совете Кр[асного] Креста, но вопрос об общем управлении учреждениями Красного Креста на театре военных действий не подвергался ко времени войны даже разработке» [15, л. 332]. С другой стороны, фронтовое командование основное внимание уделяло сосредоточению войск, планируя скорейшее наступление вглубь Восточной Пруссии силами 1-й и 2-й армий с целью захвата инициативы, а потому формирование санитарной части отошло на второй план.

Двадцать второго июля из Санкт-Петербурга на театр военных действий выехал Э. П. Беннигсен, в задачу которого входило формирование управления главноуполномоченного в Вильне. По прибытии он направился в штаб 1-й армии, где выяснил, что формирование санитарной части отложено до сосредоточения основных сил армии [15, л. 339—340].

Первая армия перешла границу 4 августа и вступила в активные бои с противником, которые 7 августа увенчались победой в Гумбинненском сражении. Неустройство санитарной части сразу вызвало проблемы с эвакуацией раненых. Причем особоуполномоченный Д. С. Бутурлин оказался не на высоте своего положения, по сути, самоустранившись от непосредственного руководства: на первый план выдвинулись простые уполномоченные и прежде всего В. В. Маркозов. Так, в Вержболове при содействии местных общественных организаций удалось быстро организовать временный лазарет. Прибывавшие по мере продвижения армии краснокрестные учреждения направлялись в войска. Несмотря на самоотверженную работу, решить проблему санитарного обеспечения в боях 4—7 августа они, конечно же, не могли.

В это время в Вильно прибыл Д. Я. Дашков, который направился в Белосток в штаб фронта к генералу Я. Г. Жилинскому. Налаживание работы управления затянулось. Во время активных маневренных действий августа 1914 года главноуполномоченный оказывал минимальное влияние на положение подчиненных краснокрестных учреждений, находившихся

непосредственно на фронте. А потому управление осуществлялось преимущественно на основе сетевого принципа: на каждом уровне руководящее лицо за счет собственного статуса, связей и имеющихся полномочий самостоятельно выстраивало отношения как с военными, так и со своими подчиненными и представителями общественности (если речь идет о тыловых районах). В подобной ситуации не могло быть и речи о жестком администрировании. Главноуполномоченный ограничивался перераспределением финансовых средств между особоуполномоченными и общей координацией, концентрируя усилия преимущественно в тыловом районе и реагируя на запросы со стороны подчиненных. Кроме того, Д. Я. Дашков и Главное управление брали на себя роль арбитров в тех или иных конфликтных ситуациях. Сетевой принцип способствовал определенной гибкости в работе, однако в условиях маневренных сражений не смог стать основой для системной работы.

В полосе наступления 1-й армии ситуацию спас В. В. Маркозов, в подчинении которого были не менее энергичные уполномоченные, прежде всего В. А. Бутурлин, К. К. Гринвальд и светлейший князь П. П. Ливен. Во время практически беспрепятственного продвижения русских войск они сыграли ключевую роль в распределении по участкам фронта постепенно прибывающих подвижных лазаретов, госпиталей и передовых отрядов, а при отступлении стремились сделать все, чтобы, с одной стороны, помощь раненым не прекращалась, а с другой — не допустить их попадания в плен. Так, по пути отхода открывались перевязочно-питательные пункты, которые продолжали работать вплоть до приближения противника. Генерал Н. А. Данилов даже сделал упрек в адрес Рязанского госпиталя, что он слишком поздно ушел из Вержболова [3, л. 450 об].

Особоуполномоченный при 2-й армии А. И. Гучков обосновался в Варшаве, занимаясь организацией деятельности краснокрестных учреждений в районе, куда направлялись раненые из войск А. В. Самсонова, и выстраиванием связей с польским обществом. В итоге был создан Польский комитет

санитарной помощи, задача которого состояла в оборудовании сортировочного пункта, устройстве питательных пунктов, складов белья и теплых вещей, а также в перевозке прибывающих раненых в госпитали, лазареты и обывательские квартиры [3, л. 140—140 об].

Сведений об активности А. И. Гучкова непосредственно на фронте 2-й армии во время боев в Восточной Пруссии нет. Вместе с тем показательным является случай с 4-м передовым отрядом, который прибыл в войска 6-го корпуса и 14 августа (в разгар Танненбергского сражения) развернул питательный пункт. На следующий день, как сообщал уполномоченный Тарасов, «начавшееся утром обратное движение обозов через город, единичные выстрелы жителей, ответная стрельба пачками [с] разных сторон нашего охранения взволновали нижних чинов отряда» [3, л. 261—261 об]. По указанию штаба корпуса отряд стал отходить к границе. Во время движения охранение обозов, видимо, нередко впадало в панику, разворачиваясь в цепь и открывая стрельбу. В ходе таких перестрелок был убит носильщик Е. Софронов. Прибыв в Остроленку, Тарасов не смог связаться ни с командованием корпуса, ни с А. И. Гучковым, ни с Д. Я. Дашковым, а потому 18 августа обратился напрямую в Петроград в Главное управление, что вызвало там справедливое неудовольствие [11, л. 28].

Когда после поражения армии А. В. Самсонова и сворачивания эвакуационного пункта в Млаве поток раненых хлынул в Варшаву, А. И. Гучков оказался на высоте. Несмотря на быстро выявившийся недостаток перевязочных средств [3, л. 321—321 об.] и тот факт, что за исключением местных учреждений краснокрестные госпитали только-только прибывали, ему удалось к 25 августа решить проблему и не допустить оставление раненых без медицинской помощи [15, л. 357—360].

Вместе с тем процесс эвакуации раненых был недостаточно организован. Изначально предполагалось, что этим будет заниматься военно-санитарное ведомство, однако из-за серьезных провалов в работе пришлось подключить Красный Крест и представителей общественности, которые содейство-

вали в вывозе раненых с фронта и работе эвакуационных пунктов. В свою очередь, от краснокрестных организаций Ставка требовала снабжать временные поезда необходимым имуществом, устраивать на пути следования питательные и перевязочные пункты. В журнале Главного управления РОКК от 24 августа 1914 года зафиксировано донесение главноуполномоченного о том, что на данный момент он лишен возможности исполнить это требование [3, л. 297]. В дальнейшем как на Северо-Западном, так и на Юго-Западном фронтах развертывание сети питательно-перевязочных пунктов вдоль линий эвакуации стало одним из основных направлений работы РОКК.

В ответ представители Красного Креста не стеснялись в критике эвакуационных комиссий, что стало одним из наиболее ярких проявлений описанного выше конфликта между краснокрестными и военно-медицинскими учреждениями. По утверждению Д. Я. Дашкова, председателя эвакуационных комиссий оказались совершенно неподготовленными, не располагали нужными средствами и при этом боялись проявлять инициативу [11, л. 31]. Двадцать второго сентября В. М. Пуришкевич доносил в Главное управление: «Прошу Крест не отказать обратить внимание Его императорского высочества принца Ольденбургского на возмутительный факт, того что подавляющее количество военно-санитарных транспортов, содержание коих стоит стране дорого, с самого начала войны без всякого дела в неразвернутом виде находится в тылу, вместо того, чтобы возить раненых на передовых позициях с мест боев. Явление это не имеет названия и ведет к сплошной вывозке раненых на крестьянских телегах или отвлекает от дела массу здоровых солдат» [4, л. 240—241].

Для изучения ситуации по эвакуации раненых по линии Вержболово, Вильно, Двинск, Полоцк, Витебск, Смоленск, Москва (прежде всего этим путем отправлялись раненые с фронта 1-й армии) были командированы 12—16 августа тайный советник Михайлов и граф Гудович. В итоговом докладе отмечались многие беспорядки: солдаты ехали в необорудованных вагонах по несколько дней без перевязок и горячей

пищи, а в Вильно и Полоцке деятельность местных эвакуационных комитетов во многом подменяли местные благотворительные организации [3, л. 410 об.].

Для решения проблемы эвакуации стали постепенно формироваться новые учреждения, в частности санитарные транспорты, подвижные питательно-перевязочные отряды, питательные и питательно-перевязочные пункты [42, с. 101—103; 43]. С созданием более мобильных автомобильных отрядов вышла некоторая заминка: первые направленные в распоряжения Дашкова автомобили, как доносил он 17 августа, оказались непригодны. Двадцать шестого августа Главное управление постановило выделить 200 тыс. руб. на формирование автомобильного отряда [3, л. 255]. Кроме того, для улучшения санитарной обстановки 10 сентября в Северо-Западный район была командирована часть персонала 1-го дезинфекционного отряда. По просьбе лейб-хирурга Н. А. Вельяминова один рентгеновский отряд отправили в Ковно в распоряжение крепостного врача, другой в Вильно (Д. Я. Дашкову), а третий — в Варшаву (А. И. Гучкову) [3, л. 415 об, 417 об.].

Пока русские армии продвигались вглубь Восточной Пруссии, в Ставке родилась идея формирования двух армий (9-й и 10-й) в целях прямого удара на Берлин. Уже 11 августа Я. Г. Жилинский известил об этом Д. Я. Дашкова. Назначение особоуполномоченного при 9-й армии (изначально формировалась в районе Варшавы) стало предметом борьбы и также интересно с точки зрения роли личных связей на кадровую политику. Изначально главноуполномоченный решил назначить своего помощника гофмейстера А. Г. Тимрота, однако этому воспрепятствовал А. И. Гучков. Он не только выступил против передачи контроля над краснокрестными учреждениями в «своем» варшавском районе, но и позднее (когда 9-я армия была направлена на Юго-Западный фронт)⁷ пролоббиро-

⁷ Несмотря на то, что армия действовала на Юго-Западном фронте, ее особоуполномоченный до 15 сентября оставался в формальном подчинении Д. Я. Дашкова, получая от него необходимые финансовые средства и перевязочные материалы.

вал назначение на эту должность графа Э. П. Беннигсена. Вопрос о назначении особоуполномоченного при 10-й армии (формировалась в районе Августова между 1-й и 2-й армиями) затянулся до 16 сентября, когда им стал князь И. А. Куракин, также политический соратник А. И. Гучкова [3, л. 451].

На фоне нарастающего количества проблем Д. Я. Дашкову постоянно приходилось расширять штат управления (к началу октября в нем числилось 2 помощника особоуполномоченного, 30 уполномоченных и 41 хирург-консультант для поручений), что в дальнейшем даже вызвало критику в Петрограде со стороны М. В. Родзянко [5, л. 49]. Кроме того, главноуполномоченный пытался сузить сферу ответственности: 8 августа он попросил выделить часть своего района в ведении особого главноуполномоченного. На заседании Главного управления решили, что количество главноуполномоченных должно совпадать с количеством главнокомандующих фронтами, а потому 13 августа особоуполномоченным тыла Северо-Западного района назначили сенатора Нейдгардта, однако его полномочия четко не были определены [3, л. 234 об.].

*Второй период: позиционные бои
на восточнопрусском фронте*

В сентябре, когда приводили в порядок обе потерпевшие поражение армии фронта и формировали новые соединения, возникла проблема с размещением краснокрестных учреждений. Так, на заседании Главного управления 3 сентября даже утвердили просьбу Д. Я. Дашкова временно не направлять ему лечебные учреждения, поскольку не было распоряжений об их распределении по участкам фронта [3, л. 368].

Наиболее интересным представляется случай с размещением Рязанского госпиталя, который предполагалось поместить в Новотрокских казармах в Вильне. Проблема заключалась в том, что военное ведомство решило расположить там военный госпиталь, отведя два корпуса под заразных больных. На заседании ГУ РОКК 15 сентября рассматривалось донесе-

ние Д. Я. Дашкова, в котором тот указывал на абсурдность такого решения с санитарной точки зрения: заразных больных придется доставлять за 4 версты через город в помещения без канализации и с общими выгребными ямами. Прояснить ситуацию попросили представителя Главного военно-санитарного управления в РОКК действительного статского советника А. П. Грязнова. На следующий день он сообщил, что заразного госпиталя там не будет и бараки для него лучше построить между Вильной и Двинском. Однако вскоре выяснилось, что ни главный начальник Двинского округа, ни принц А. П. Ольденбургский не хотят переносить заразных из Вильны. Видимо, доводы «общественников» оказались неубедительны. В итоге пришлось приостановить развертывание Рязанского госпиталя [3, л. 441, 450 об., 462—462 об.].

Бои в районе Августовских лесов и на границе Восточной Пруссии во второй половине сентября потребовали от краснокрестных организаций напряжения сил, в том числе и для решения проблемы эвакуации (о чем свидетельствует описанный выше конфликт между депутатами Государственной думы и полковником В. И. Кондратьевым). Активную роль здесь сыграли князь И. А. Куракин и В. М. Пуришкевич. Приходилось усилить и снабжение необходимыми материалами. Так, 1 октября к Августову были высланы два вагона с перевязочными материалами и консервами [5, л. 2]. В начале октября помощник главноуполномоченного М. К. Якимов посетил находившиеся в районе Августова и Сувалок краснокрестные учреждения, отметив, что их работа «заслуживает чрезвычайное одобрение» [5, л. 73]. Он высоко оценил деятельность 2-го Елизаветинского и Царскосельского этапного лазаретов, а также питательно-перевязочных пунктов в Белостоке и Липах, которые были обустроены В. М. Пуришкевичем.

Вместе с тем в конце сентября усилился конфликт между командованием (с 3 сентября главнокомандующим фронтом стал генерал Н. В. Рузский) и Д. Я. Дашковым. Двадцать шестого сентября он сообщил в Петроград, что положение вещей в Северо-Западном районе заставляет опасаться потери Крас-

ным Крестом необходимой самостоятельности [4, л. 305]. На следующий день главноуполномоченный выехал в столицу, а 2 октября сложил полномочия. На его место был назначен более деятельный генерал Е. Н. Волков, который вместе со своими помощниками М. К. Якимовым и В. П. Михайловым сконцентрировал основную работу. Пятнадцатого октября главноуполномоченный даже запросил больше отрядов. В Главном управлении ему обещали направить в скором времени Пермский и Нижегородский этапные лазареты, подвижной лазарет Русского учительства и передовой отряд имени графини Толстой. В это же время было осуществлено более точное распределение границ между Северным, Северо-Западным и Юго-Западным районами [5, л. 184, 185, 187].

К середине сентября восточнопруссский фронт стал второстепенным. Основная тяжесть сражений сместилась в сторону Средней Вислы, в то время как 10-я и 1-я армии ограничились позиционными боями на границе Восточной Пруссии. Период относительного спокойствия дал возможность для организации системной работы. А 12 октября войска 1-й армии были переданы в 10-ю армию, П. К. фон Ренненкампф со штабом на Средней Висле принял новую 1-ю армию. Двадцать четвертого октября ее особоуполномоченным утвердили А. Г. Тимрота, в то время как Д. С. Бутурлин остался в Вильно с сохранением звания особоуполномоченного, но без особых полномочий [5, л. 386].

Поскольку фронт 10-й армии вытянулся, то северо-восточную часть района (корпуса бывшей 1-й армии) в начале ноября временно (до 11 декабря) подчинили помощнику главноуполномоченного тайному советнику В. П. Михайлову [11, л. 93; 10, л. 8]. Одиннадцатого ноября он прибыл в Вержболово в штаб 3-го армейского корпуса, где, ознакомившись с обстановкой, назначил ответственными за распределение лазаретов уполномоченных В. А. Бутурлина и светлейшего князя П. П. Ливена, при этом не разграничив сферу ответственности. Телеграмма последнего на имя И. А. Куракина по данному поводу была проигнорирована. В итоге П. П. Ливен взял на себя

сношение с лазаретами, а В. А. Бутурлин — канцелярию. Это не позволило избежать различных конфликтов, вскоре П. П. Ливен даже стал просить о переводе на «варшавский» фронт.

Обслуживавшие войска Вержболовской группы (правый фланг 10-й армии) учреждения РОКК распределялись следующим образом. На станции Вержболово и в Кибартах находились два лазарета: Амурский этапный (сформирован в Самаре) и 3-й подвижной Общины Св. Георгия имени Французского благотворительного общества⁸, а также кухня-столовая № 1 Союза городов и вагон-прачечная; в Шталлупёнене — питательный и перевязочный пункт Союза городов имени принцессы Саксен-Альтенбургской (на станции), Пермский крестьянский и Ковенский подвижный лазареты (в городе); в Пилькаллене — Московский автомобильный отряд и питательный-перевязочный пункт [12, л. 72]. Четвертого декабря в Гольдап прибыл 24-й Рижский санитарный передовой отряд. Ему были выделены два питательно-перевязочных пункта для обслуживания частей 20-го корпуса и 53-й пехотной дивизии [6, л. 27]. Первый летучий передовой перевязочный отряд во главе с младшим врачом Блюменфельдом разместился 8 декабря в деревне Рогален, занимаясь ввиду затишья на фронте питанием доставляемых в дивизионный лазарет раненых и их дальнейшей эвакуацией в Гольдап. Второй летучий передовой перевязочный отряд (младший врач Гах) 6 декабря разместился в местечке Клещовен. Также в декабре Французский лазарет выделил питательный пункт на станции Тольмингкемен.

Относительное спокойствие продлилось до 12 января, когда войска Вержболовской группы начали атаки на Ласденен, что потребовало от находящихся здесь краснокрестных организаций напряженной работы. К сожалению, эти бои не завершились успехом. Немцы сформировали новую 10-ю армию генерала Эйхгорна. Двадцать третьего января под напором противника русская конница генерала Е. А. Леонтовича начала отступать, через два дня 8-я германская армия атаковала ле-

⁸ В документах сокращенно именовался Французским лазаретом.

вый фланг русской армии, а 26 января — полномасштабное наступление начал и Эйхгорн. Ситуация на фронте сложилась критическая. Если другие учреждения РОКК в конечном итоге, несмотря на тяжелейшие условия, успели отойти, то на правом фланге произошла катастрофа.

Третий период: гибель Вержболовской станции

Первые сведения о готовящейся эвакуации пришли 26 января, однако даже на следующий день официального приказа не поступило. Обильный снегопад ухудшал положение. По распоряжению командира 3-го корпуса генерала Н. А. Епанчина Ковенский и Пермский лазареты из Шталлупёнена отправившись в Вержболово. Другие краснокрестные учреждения также стали стягиваться к этой станции. Особая сложность возникла с отрядом Московского автомобильного общества: в снегу увязла тяжелая машина «Пенхард», которую после долгих попыток освободить пришлось бросить [12, л. 72—72 об.].

В Вержболове 28 января прошло в ожидании поезда из Ковно. Ситуация осложнялась нераспорядительностью коменданта станции штабс-ротмистра Величкина. Только во второй половине дня были получены необходимые для погрузки вагоны. Уже вечером ввиду приближения противника Величкин высадил из вагона Французский лазарет и вместе с паровозом уехал в сторону Ковно. В 22.30 в Вержболово вошли германцы. В их руках оказались Французский лазарет (17 человек), Приамурский лазарет (9 человек), Пилькалленский передовой питательный пункт (3 человека), Шталлупёненский питательный передовой пункт Союза городов (3 человека), санитарный поезд Земского союза (12 человек), военно-санитарный поезд «Литера Ж» (6 человек), головной эвакуационный пункт № 1 (14 человек), а также уполномоченные светлейший князь П. П. Ливен, В. А. Бутурлин и еще 13 человек. Среди них — 14 врачей и 37 медсестер [12, л. 73].

Русские ожидали от противника благородного отношения, а потому, вернувшись в Россию, не жалели слов для описания

своего негодования (тем самым укрепляя сформированный пропагандой образ врага). Например, по свидетельству В. А. Бутурлина, немцы не кормили ни их, ни раненых в течение трех дней. Уполномоченный А. А. Арнольди говорил, что их заставили очистить грязные помещения для немецкого госпиталя (хотя обещали разместить здесь русских), в то время как наши раненые оставались лежать на полу в самых невозможных условиях. Граф Ю. Н. Армфельд также отметил полное преимущество, которое германские врачи отдавали своим раненым перед русскими: однажды врач прервал операцию тяжело раненому русскому солдату для того, чтобы освободить операционный стол для легкораненого немца [12, л. 75, 76 об., 77 об.].

Однако деятельность краснокрестных учреждений по оказанию помощи раненым даже в плену продолжалась, что указывает на самоотверженность представителей Красного Креста и подвергает сомнению стройный миф о «германских зверствах». Работали, как свидетельствовал П. П. Ливен, «день и ночь, не разбирая своих и чужих». Особо отличились врачи из Французского и Приамурского лазаретов (Крессон, Яблонский, Раевский, Зарубина, Райзман-Сливинская и младший врач санитарного поезда «Литера Ж» Козерадский). Но некоторые, как, например, доктор Кролюницкий, наотрез отказались исполнять свой долг и тем более лечить немцев. Подобное поведение признавалось П. П. Ливеном недостойным [12, л. 74].

Через две недели в здании таможенного управления был создан русский лазарет, который благодаря самоотверженной работе доктора Ф. Е. Крессона привели в удовлетворительное состояние. Уполномоченный П. П. Ливен был посредником между русскими и немцами. По его свидетельству, пища отвратительной, медикаментов не хватало, но «работа наладилась и самые тяжелые случаи подавали надежду на счастливый исход» [12, л. 74].

Затем часть персонала (6 врачей и 8 сестер) была переведена в Сувалки. Седьмого марта по распоряжению из Берлина отправили еще часть персонала в 25 человек, причем женщин через Швецию — на родину, а мужчин — в офицерский лагерь

для пленных на острове Денгольм. По свидетельству В. А. Бутурлина, жили они в сравнительно удовлетворительном помещении, правда плохо отапливаемом. Освобождены они были по ходатайству шведской королевы 7 августа 1915 года. К слову, перед отправкой в Россию германцы показали им лагерь для нижних чинов в Кроссене. В. А. Бутурлин свидетельствовал о прекрасных гигиенических условиях, однако отмечал большую скученность и тесные отношения между солдатами союзнических армий: «Англичане, например, неоднократно делились своей пищей с русскими, которые не получали ничего из дома» [12, л. 75 об.].

Заключение

На театре военных действий РОКК играло роль «помощника» военно-санитарного ведомства в решении задач по санитарному обеспечению войск. Стремление к независимости, обусловленное широким набором факторов (экономических, социальных, символических и институциональных), вызывало противодействие со стороны военного начальства, которое видело в этом нарушение субординации. Можно сказать, что краснокрестные организации были «неудобным помощником»: военные нуждались в них, однако остро реагировали на излишнее проявление независимости и зачастую обоснованную критику. Тот факт, что особоуполномоченные или уполномоченные нередко обладали равным или более высоким социальным статусом, нежели их непосредственные начальники, лишь усугублял конфликт. Взаимные обвинения стали весьма распространенной практикой, хотя с обеих сторон не были лишены оснований.

Существует соблазн рассматривать возникший конфликт в рамках противостояния «власти и общества», однако подобное представление кажется упрощенным. Многие руководящие должности в краснокрестных организациях занимали представители высших слоев бюрократии, отставные генералы или придворные чины, поэтому взаимодействие между ними и

непосредственно военными стоит описывать как внутриэлитное, в рамках которого социальное положение, личные и семейные связи играли значительную роль. Тот факт, что краснокрестные деятели воспринимались как «общественники» и нередко сами апеллировали к этому статусу, весьма ярко характеризует сам конфликт элит.

Нельзя не признать, что Красный Крест в целом исполнил роль «помощника», под давлением объективных условий расширяя сферу ответственности и стремясь исправлять те или иные недостатки в работе военно-санитарного ведомства. Однако решить все проблемы по санитарному обеспечению Общество не могло: оно не обладало ни должными ресурсами, ни полномочиями. Это было невозможно и ввиду отсутствия жесткого администрирования внутри Красного Креста, которое зачастую подменялось сетевым принципом управления, впрочем, эффективным для решения локальных задач. Подобная ситуация особенно характерна для маневренного периода, когда на первый план вышли такие активные деятели, как В.В. Маркозов, В.М. Пуришкевич или А.М. Гучков. В позиционный период управляемость несколько повысилась, однако катастрофа Вержболовской станции свидетельствует о структурных управленческих провалах и недостатке опыта действий во время отступления.

Список источников и литературы

1. *Российский* государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2019. Оп. 1. Д. 4. Распоряжения верховного главнокомандующего по ведению военных действий. Список военно-врачебных заведений.

2. *РГВИА*. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 110. Рапорты о количестве больных и раненых в госпиталях района Северо-Западного фронта. Список лечебных учреждений РОКК в районе Северо-Западного фронта.

3. *РГВИА*. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1096. Журналы заседаний Главного управления. 24 апреля 1914 г. — 16 сентября 1915 г.

4. *РГВИА*. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1097. Журналы заседаний Главного управления. 1—30 сентября 1914 г.

5. *РГВИА*. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1098. Журналы заседаний Главного управления 20—30 октября 1914 г.
6. *РГВИА*. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1117. Обзор деятельности Рижского передового санитарного отряда РОКК за период с 1 декабря 1914 по 1 декабря 1915 г.
7. *РГВИА*. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1119. Отчет о деятельности учреждений РОКК при 1-й армии с 19 июля по 1 сентября 1914 г.
8. *РГВИА*. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 333. Переписка с главноуполномоченным РОКК при армиях Северо-Западного фронта о назначении и откомандировании служащих общества в район армий фронта, в отряды, госпитали и склады РОКК Северо-Западного фронта. 20 июля — 11 ноября 1914 г.
9. *РГВИА*. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 335. Переписка с уполномоченными РОКК при армиях Северо-Западного фронта о командировании служащих РОКК в учреждения Северо-Западного района. Часть 1 : 20 июля 1914 г. — 17 января 1917 г.
10. *РГВИА*. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 336. Переписка с уполномоченными РОКК при армиях Северо-Западного фронта о командировании служащих РОКК в учреждения Северо-Западного района. Часть 2 : 3 ноября 1914 г. — 18 мая 1915 г.
11. *РГВИА*. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 342. Переписка с главноуполномоченным РОКК при армиях Северо-Западного (Западного) фронта по личному составу. Списки лиц, состоящих на службе общества в районе армий Сев.-Западного фронта. Ч. 1. 23 июля 1914 — 31 мая 1915 г.
12. *РГВИА*. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 355. Дело о злоупотреблениях по службе лиц, работавших в Главном управлении РОКК. 21 августа 1914 г. — 25 августа 1916 г.
13. *Астахов А.Б.* Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014.
14. *Беляева М.В.* Российское общество Красного Креста в истории России 1867—1921 : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002.
15. *Беннигсен Э.П.* Первая Великая война // Беннигсен Э.П. Записки. Архив А.Г. Римского-Корсакова. Машинопись.
16. *Бондаренко О.Е.* Коми-край в период Первой мировой войны. Сыктывкар, 2014.
17. *Будко А.А., Бринюк Н.Ю., Журавлев Д.А.* Воспоминания тайного советника Н.А. Вельяминова как исторический источник при изучении боевых действий на Северо-Западном фронте в январе 1915 г. // Вестник архивиста. 2014. №4. С. 252—273.
18. *Варнек Т.А.* Воспоминания сестры милосердия. М., 2014.

19. *Войтоловский Л.* Выходил кровавый Марс. По следам войны. М., 1998.
20. *Горелова Л.Е., Рудой Н.А.* Деятельность Российского общества Красного Креста в Первой мировой войне // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. №6. С. 40—42.
21. *Грицаева А.Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
22. *Гусева О.В.* Российское общество Красного Креста Томской губернии : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013.
23. *Ерошенко А.П., Черкасов А.А.* Россия в Первой мировой войне (1914—1918 гг.): военно-санитарная деятельность Российского общества Красного креста // История и историки в контексте времени. 2010. №7. С. 60—72.
24. *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. М. ; СПб., 2011.
25. *Кайдышева Н.Н.* Роль общественности Пермской губернии в деле помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. №5. С. 91—103.
26. *Колоницкий Б.И.* Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С. 100—126.
27. *Кравков В.П.* Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014.
28. *Лепкова Е.А.* Медицинская помощь военнослужащим русской армии в период Первой мировой войны (по материалам г. Царицына) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. №5. С. 104—112.
29. *Олешкова А.М.* Взаимоотношения Российского общества Красного Креста и военного министерства в период военных действий (конец XIX — начала XX в.) // Перспективы науки. 2011. №7(22). С. 114—119.
30. *Ореховский В.О.* Организационная перестройка и основные направления деятельности Российского общества Красного Креста в

начальный период Первой мировой войны (1914—1915 гг.) // Мир гуманитарного и естественно-научного знания. Краснодар, 2013. С. 120—128.

31. *Познахирев В. В.* Защита гуманитарных прав турецких военнопленных в России в 1914—1918 гг. учреждениями Красного креста и дипломатами державы-покровительницы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №6—1. С. 195—197.

32. *Положение* о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914.

33. *Ренненкамф В. Н.* Воспоминания. М., 2013.

34. *Романова М.* Воспоминания великой княжны. М., 2007.

35. *Соколова В. А.* Красный Крест в Финляндии в период русско-японской и Первой мировой войн // Новейшая история России. 2013. №1(6). С. 48—55.

36. *Соколова В. А.* Российское общество Красного Креста (1867—1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

37. *Срибная А. В.* Организация деятельности сестер милосердия в годы Первой мировой войны // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История русской православной церкви. 2014. №5. С. 70—87.

38. *Туманова А. С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 2014.

39. *Федирко О. П.* Благотворительность на Амуре в годы Первой мировой войны // Клио. 2015. №2. С. 127—130.

40. *Четик Г. С., Гладких П. Ф.* К истории вопроса о полевых зубо-врачебных кабинетах в русской армии // Вестник военно-медицинской академии. 2011. №4. С. 219—222.

41. *Чистяков О. В.* Владивостокский местный комитет Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны // Россия и АТР. 2010. №. 1. С. 14—19.

42. *Чистяков О. В.* Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

43. *Чистяков О. В.* Российское общество Красного Креста во время Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2009. №12. С. 67—69.

44. *Шапошников Г. Н., Айрапетова И. В., Лямзин А. В.* Эвакуация раненых и больных воинов русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Уральской медицинской академии. 2014. №2. С. 173—176.

45. *Шевцова Г.И.* Деятельность на территории Сербии и возвращение из плена эпидемиологического отряда Александровской общины РОКК (отряд Н.С. Спасского) в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2010. №4. С. 37—44.

46. *Яменков В.В., Петрова И.А., Комиссарова Е.В., Старшина О.В.* Деятельность медицинских учреждений Царицына и Царицынского отделения Красного Креста в период Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны. Казань, 2014. С. 476—489.

Об авторе

Константин Александрович Пахалюк — ведущий специалист научного отдела, Российское военно-историческое общество (Москва, Россия).

Email: kap1914@yandex.ru